

Хакимова Е. М.

К ВОПРОСУ ОБ ОРФОГРАФИЧЕСКОЙ ВАРИАНТНОСТИ В ИСТОРИИ РУССКОЙ ОРФОГРАФИИ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2007/3-2/96.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2007. № 3 (3): в 3-х ч. Ч. II. С. 229-230. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2007/3-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Определение орфографической вариантности предложено О.С. Ахмановой [Ахманова 1957], которая рассматривает данный феномен как модификацию орфографического облика слова, не нарушающую тождества последнего. В истории русской орфографии был длительный период многочисленных вариантных орфограмм. Б.И. Осипов [Осипов 1992; 1999] указывает, что до XV в. орфографическая норма варьировалась от одной писцовой школы к другой. В XV в. была предпринята первая попытка централизованного установления унифицированных правил правописания. Киприановская реформа, осуществлявшаяся в русле второго южнославянского влияния, оказалась в значительной степени искусственной и для русских писцов XIV – XV вв. во многом неприемлемой. Поэтому унификация русского письма шла не в том направлении, которое намечалось реформаторами: не восточнославянские единицы заменялись южнославянскими, а местные черты общерусскими, что связано с ростом роли и авторитета Москвы в централизованном Русском государстве. Это не означает, впрочем, полного отказа от орфографических вариантов. Сохранился документ, в котором они получили юридическую санкционированность, – указ царя Алексея Михайловича, где совершенно определенно очерчивались рамки дозволенной орфографической вариативности: «наречия по природе тех городов, где кто родился и говорить и писать навьк». Приведённая формулировка свидетельствует о том, что нормативные орфографические варианты отражали диалектные особенности речи коммуникантов.

Серьезных оснований для жесткой унификации орфографии не возникло и в XVIII в., когда создание нового, гражданского письма рассматривалось как один из аспектов языкового строительства и носило экспериментальный характер. Орфографическая вариантность представлялась вполне допустимой В.К. Тредиаковскому, в работах которого были осмыслены принципиальные основы русского правописания: «...я ея <орфографию> отдаю на волю каждому писателю, да і самъ себѣ подобныя жъ прошу вольности...» [цит. по Винокур 1959: 478]. В данном случае речь идет об орфографии печатных текстов. В рукописях норма была еще менее строгой.

Сохранившись в письменной практике XVIII в., орфографическая вариантность изменила, однако, свой диапазон. Б.И. Осипов указывает, что в древности норма для одних случаев разрешала одно написание, а для других – оба. Например, существовало такое предписание: имена нарицательные пишутся только со строчной буквы, а собственные могут писаться как с прописной, так и со строчной. В XVIII в. слово, которое пишется с прописной, со строчной уже писаться не может. На смену нормы, построенной по принципу «нельзя – можно» (однаправленной), приходит норма, построенная по принципу «нельзя – нужно», (двунаправленная): имя собственное не можно, а нужно писать с прописной. Многим такой подход к орфографической норме кажется естественным, а между тем возник он не так уж давно. Б.И. Осипов считает, что аналогичные изменения произошли и в сфере пунктуации: «Ошибкой становится не только постановка лишнего пунктуационного знака, но и отсутствие возможного; знак возможный, таким образом, превращается в необходимый. И здесь на смену норме по типу "нельзя – можно" приходит норма по типу "нельзя – нужно"» [Осипов 1992: 111]. Отождествление указанных процессов в сфере орфографии и пунктуации представляется нам не вполне правомерным. Некоторые формулировки современных пунктуационных правил не позволяют, на наш взгляд, рассматривать новую пунктуационную норму как двунаправленную (например, «...если предшествующее определено местоимением, то последующие определения могут обособляться или не обособляться; ср.: *И сон, и сладостный покой...посетили снова мой угол тесный и простой* (Пушкин). – *И раз мой взор, немой и страстный, я удержатъ в пыли не мог* (Брюсов)» [Розенталь 1994: 144]).

В 60 – 70-х гг. XIX в. история русской орфографии вступила в новый этап. Б.И. Осипов определяет его характеристики следующим образом: 1) преодолевается двойственность орфографической нормы в рукописных и печатных текстах. Отступления от правил, соблюдаемых в печати, вполне допустимые в XVIII в., теперь становятся признаком малокультурья; 2) наступает эпоха скрупулезного упорядочения орфографии. Мелочная регламентация в сфере правописания является проявлением того бюрократического стиля, который, сложившись во время правления Николая I, в основном жив и сейчас.

Орфографические страсти кипели в течение всего XIX в., но не привели к тотальной унификации: орфографические варианты продолжали фиксироваться в орфографических словарях с пометами «более правильный», «допустимый», «по Гроту рекомендуется». Даже радикальная графико-орфографическая реформа в начале XX в. не вывела вариантность за пределы нормы: циркуляр Временного правительства, как и продублировавший его декрет Наркомпроса, включал в себя пункт 13: «Допустить слитное и раздельное написание в наречиях, составленных из сложения существительных, прилагательных и числительных с предложениями (*встороне и в стороне, втечение и в течение, вдвое и в двое*)» [Осипов 1999: 86]. Правда, указанный пункт не был включен в декрет Совнаркома «О введении новой орфографии», в остальном повторивший содержание двух первых актов. Но даже в такой версии реформа не снимала проблемы орфографической вариантности. Число параллельных орфографических реализаций было очень значительным. Б.З. Букчина приводит замечание К. Былинского и М. Уварова, сделанное в 1940 г.: «Одни газеты пишут *дифференцировать, на-днях, при чем, агрегат*, другие – *дифференцировать, на днях, причем, агрегат*. Гослитиздат печата-

ет *восвояси, кухонька, параллелограмм*, а помещающийся через дорогу от него Детиздат – *во-свояси, кухонка, параллелограмм*. В Доме книги (в Орликовом переулке) сколько этажей, столько и орфографий» [цит. по Букчина 1981: 223].

Такая ситуация в России 40 – 50-х гг. квалифицировалась как «орфографический разнобой» и признавалась недопустимой. Перед правительственной комиссией была поставлена задача устранить орфографические варианты и создать в письме максимальное единообразие. Радикальность цели обосновывалась тем, что орфографический разнобой мешает письменной речи выполнять ее основную функцию – быть общепризнанной, твердой формой общения людей. Результатом работы комиссии стали не только «Правила русской орфографии и пунктуации», но и «Орфографический словарь русского языка», в котором фиксировалось лишь одно, «правильное» написание лексем. Орфографические варианты, таким образом, выводились за пределы нормы (чего нельзя сказать о вариантах пунктуационных: здесь избыточность выражения получила официальное признание и была узаконена в форме синонимии пунктуационных знаков). Однако принятые меры не ликвидировали орфографическую вариантность в современном русском литературном языке.

Поскольку принятые в этой связи меры не привели к уничтожению параллельных написаний, проблема орфографической вариантности не утратила своей актуальности. В настоящее время в осмыслении данного вопроса лингвисты занимают разные позиции. Согласно первой точке зрения, вариантность является недостатком орфографии и выходит за пределы нормы. Доказывая это положение, исследователи приводят следующие аргументы:

1) орфографическая вариантность, в отличие от вариантности других типов, всегда является избыточной, поскольку орфографические варианты не имеют ни семантической, ни стилистической нагрузки (Букчина 1981);

2) между проверяемостью, обуславливающей единообразие написания, и непроверяемостью, провоцирующей вариантность, нет четкой границы; наличие так называемых труднопроверяемых случаев осложняет решение вопроса о допустимости орфографического варьирования (Осипов 1992).

3) существование параллельных орфографических реализаций вызвано не объективной лингвистической необходимостью, а недостаточной чёткостью современных правил, которые, будучи условными по своей природе, могут совершенствоваться специалистами (Букчина 1981);

4) принцип факультативности для орфографии непригоден, так как является стимулом для расшатывания орфографической дисциплины (Шапиро 1956).

При другом подходе орфографическая вариантность рассматривается как результат самонастраивания языка на некие внутренние детерминанты письменной деятельности. Перечислим доводы в пользу «умягчения нравов русской орфографии»:

1) орфография – это функциональное продолжение языка, а орфографические нормы – стихийно складывающиеся и объективно существующие ортотипы, поэтому вариантность в правописании так же естественна и неизбежна, как и в других ортологических сферах (Голев 1997);

2) поскольку разница между словом и предложно-падежной группой, словом и словосочетанием, именами собственными и нарицательными не всегда очевидна, жёсткая унификация правописания наречий и сложных слов, употребления прописных и строчных букв представляется насилием над языком (Кузьмина 2001);

3) утверждение о неизбежности возникновения коммуникативных затруднений в связи с наличием параллельных написаний – один из мифов обыденного метаязыкового сознания (Голев 2000);

4) преследование орфографической вариантности приводит к «орфографическому террору», проявлением которого становится репрессивная система оценок письменных работ в школе и на вступительных экзаменах в вузы (Лобок 1995).

Приведённые положения свидетельствуют о том, что осмысление проблемы орфографической вариантности придает орфографии статус не только прикладной, но и теоретической дисциплины. В центре внимания исследователей оказываются характер связи между языковой и орфографической системами, фидеистичность и орфографоцентризм обыденных представлений о языке, коммуникативная значимость орфографических правил и норм, а также ряд других значимых для современной лингвистики вопросов.

Список использованной литературы

1. Ахманова, О.С. Очерки по общей и русской лексикологии / О.С. Ахманова. – М., 1957.
2. Букчина, Б.З. Орфографические варианты / Б.З. Букчина. // Литературная норма и вариантность. – С. 215–233.
3. Винокур, Г.О. Избранные работы / Г.О. Винокур. – М., 1959.
4. Голев, Н.Д. Антиномии русской орфографии / Н.Д. Голев. – Барнаул, 1997.
5. Голев, Н.Д. Обыденное метаязыковое сознание и школьный курс русского языка / Н.Д. Голев // Культурно-речевая ситуация в современной России. – Екатеринбург, 2000. – С. 338–348.
6. Кузьмина, С.М. Об умягчении нравов русской орфографии (к проблеме вариативности написаний) / С.М. Кузьмина // Жизнь языка: Сб. ст. к 80-летию М.В. Панова. – М., 2001. – С. 406–411.
7. Лобок, А.М. Писать раньше, чем читать / А.М. Лобок // Первое сентября. – 1995. – № 13 (2 февраля).
8. Осипов, Б.И. История русской орфографии и пунктуации / Б.И. Осипов. – Новосибирск, 1992.
9. Осипов, Б.И. Учителю об истории русского письма / Б.И. Осипов. – Омск, 1999.
10. Розенталь, Д.Э. Справочник по орфографии и пунктуации / Д.Э. Розенталь. – Челябинск, 1994.
11. Шапиро, А.Б. Упорядоченное русское правописание / А.Б. Шапиро. – М., 1956.